

СМОТРИМ ФИЛЬМ – ЧИТАЕМ КНИГУ

ДУБРОВСКИЙ

ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СМОТРИТЕ В КИНОТЕАТРАХ СТРАНЫ!

Александр Пушкин

**Дубровский: по мотивам
фильма «Дубровский»**

«Издательство АСТ»

2014

Пушкин А. С.

Дубровский: по мотивам фильма «Дубровский» /
А. С. Пушкин — «Издательство АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-084434-0

«Дубровский» известно еще со школьной парты произведение А. С. Пушкина актуально сегодня как никогда. Владимир Дубровский и Маша Троекурова – дети своих отцов, вчерашних друзей, – смогут ли они противостоять уготованной судьбе? Или все же найдут в себе силы построить свою жизнь по-другому?! В этой книге вы сможете прочесть как современную историю, так и бессмертную повесть классика.

ISBN 978-5-17-084434-0

© Пушкин А. С., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Константин Чернозатонский, Михаил Брашинский	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Пушкин Дубровский: по мотивам фильма «Дубровский»

Книга основана на сценарии фильма «Дубровский»
Режиссеры А.Вартанов, К. Михановский,
авторы сценария К.Чернозатонский и М.Брашинский
Производство ООО «Авангард Медиа», 2014

© К. Чернозатонский, ООО «Авангард Медиа», сценарий, 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Константин Чернозатонский, Михаил Брашинский

– Ну что, настролялся?

Петр Олегович Ганин, щуплый мужчина лет сорока с невыразительным лицом, оторвался от изучения винтовки, которую вот уже пять минут перекладывал из руки в руку, поджал губы.

– Да я не по этому делу, Кирилл Петрович, не могу живое, – проямлил он. – С детства как-то.

Кирилл Петрович Троекуров окинул его взглядом, будто пытаясь представить себе Ганина в детстве. Наверное, у того уже в пять лет были эти маслянистые чиновничьи глазки. Кирилл Петрович считал, что обладает специальной «чуйкой» на людей, чтобы с первого взгляда понимать, с кем имеет дело: умен ли человек или не так чтобы слишком, что это за ум (в его понимании было два основных сорта ума – «практический» и «заковыристо, но без толку потрендеть»); определять душевные качества, из которых он особенно ценил всеобъемлющее «с ним можно иметь дело» иногда достигающее до «да с ним хоть в баню, хоть в разведку»; положение в обществе и, наконец, достаток. По правде сказать, Ганин, второй год руководивший местным Облприроднадзором, интерес для Троекурова представлял только своим родством с губернатором области, которому приходился племянником (а когда к Петру Олеговичу обращались с просьбой посодействовать в деле ему лично не слишком выгодном, родной дядя вдруг становился двоюродным и даже троюродным). Во всем же остальном... вроде и не дурак, и может как-то и что-то, но без блеска... иметь с ним дело? Что же, с чиновниками дело иметь и можно, и, пожалуй, необходимо, но с похожими на Ганина – с бо-ольшой осмотрительностью: Кирилл Петрович давно заметил, что щуплый чиновник сподличает без широты и замаха, характерных для подлостей чиновников дородных и статных, а потому гораздо более предсказуемых и понятных. В конце концов, и водку пить, и баню ходить веселей со здоровяками, а в разведку за годы службы Кирилл Петрович свое уже отходил – выйдя в отставку с поста командующего танковой дивизией в звании генерал-лейтенанта, он считал, что его дело – получать донесения и принимать решения. Бегать же и рисковать своей шкурой должны молодые – иначе как осуществится естественный отбор самых ловких и зубастых, тех, кто достоин занять его место?

– На то он и сезон, чтоб то, что переплодилось, отстреливать... – Троекуров охотно включал назидательный тон с теми, кого считал заведомо ниже себя. – Смог – убёг, не смог – не смог... Закон жизни.

Ганин улыбнулся – уж он-то понимал этот закон как никто другой.

– Да я знаю, но все равно рука как-то не поднимается, – он как бы ненароком убрал ружье в егерскую сумку, стоявшую рядом с ними на вытоптанном снегу.

– Вегетарианец, что ли? – презрительно хмыкнул Троекуров.

Петр Олегович сделал паузу, пытаясь придумать остроумный ответ, но не нашелся и просто захихикал:

– Не-е-е, поесть – это другое дело.

– Хитер, брат, стрелять – так другие, пожрать – так сам! Ты смотри, бабам об этом не рассказывай. Они больше охотников любят, а не едоков, – Троекуров наклонился и набрал пригоршню снега, которую тут же растер в ладонях.

– Да нет, – залепетал Ганин, – я-то...

Но Троекуров уже не слушал его. Щурясь, он глядел на двух егерей, сгребавших подстреленных фазанов в холщовые мешки. Птицы были выложены у машины в несколько рядов, на снегу под ними виднелись красные разводы. Егерь помоложе ловко закидывал мешки в багажную коробку мощного квадроцикла.

Ганин с опаской посмотрел на этот сомнительный натюрморт, поморщился и уже завел было про «бедных животных», в надежде продолжить светскую дискуссию с Кириллом Петровичем, известным на всю округу... По нынешним временам известными в широком понимании, помимо звезд шоу-бизнеса и политиков, бывают разве что бизнесмены – так вот бизнесменом в расхожем понимании Кирилл Петрович не был. Вернее сказать – давно перестал им быть: в те мутные годы, когда казавшийся нерушимым Союз Советских Социалистических уже корчился в агонии, а ельцинская Россия пребывала в упоительных юношеских метаниях, Кирилл Петрович не без выгоды для себя принял самое деятельное участие в выводе своей танковой дивизии с места ее постоянной дислокации в ГДР. Затем ловко вышел в отставку (о чем он, впрочем, до сих пор сожалел) и, благодаря своей природной хватке, в несколько раз приумножил свой армейский капитал, никогда, впрочем, не ввязываясь ни во что скольнибудь по-настоящему заметное, а потому опасное («упаси Бог от нефтянки-рога-обломанки», как он любил говаривать). В начале нового тысячелетия Кирилл Петрович в общем-то отошел от дел – он жил на ренту от разнообразной коммерческой недвижимости, паев, долей, акций и прочих дивидендов, сведя свою деловую активность к поддержанию светских связей с правильными людьми. Правильные люди и собственная усадьба – вот что занимало Кирилла Петровича. Он был помещиком, осознавал это и радовался, что это слово из романов XIX века так хорошо ему подходит: дородному, живущему с барской широтой, равному равным, не мальчику, но мужу. Стоит ли говорить, что не один только Ганин искал случая заговорить с Кириллом Петровичем, *который мог устраивать судьбы*, и не один только Ганин осекался, почувствовав, что еще одно лишнее слово, и Троекуров окончательно определит его в рохлей, сосунков, *шибздиков*. Одним словом, Петр Олегович оставил тему невинных зверушек – молча постоять рядом с Кириллом Петровичем тоже было делом вполне в этих местах почетным и даже ответственным.

На лице Троекурова отражалось сытое удовлетворение – все, как ему казалось, шло как нельзя лучше. Приглашенные им гости, не вполне способные оценить прелестей охоты, с не меньшим удовольствием толклись у накрытого прямо в поле стола, налегая на выпивку и закуски. До Троекурова с Ганиным доносились обрывки их беседы – губернатор области, ради которого, собственно, и была организована эта охота, рассказывал что-то своему заместителю, запивая чуть ли не каждое произнесенное предложение, был явно навеселе, а значит, затея Кирилла Петровича блистательно удалась: нужная галочка в нужной графе поставлена, все всё запомнили и про себя отметили: «Лаврентий Николаевич запросто приезжает к Троекурову». Никогда не знаешь, когда пригодится, а при случае можно будет набрать губернатору, случись какая нужда.

Единственным человеком, чье откровенно дурное настроение действительно беспокоило Троекурова, был его старый друг Андрей Дубровский, бывший полковник, который в эту минуту говорил со старшим егерем, будто бы нарочно давая понять, чью компанию предпочитает. В конце концов он даже снял перчатки и, не прекращая разговора, стал помогать егерям с убитыми фазанами. Троекуров хотел было попросить его прекратить это дело, но тут Ганин, видимо напивавшись значительностью момента и сам в собственных глазах став значительней, все-таки понес что-то сердобольное про отношение к животным, которое в итоге и привело его на пост начальника Облприроднадзора. Что ж, кто из нас, стоя рядом с лицом влиятельным и известным, хотя бы раз не удержался от исполнения песни собеседнику, откровенно неблизкой, но нами хорошо разученной, прочувствованной, а потому рвущейся на волю?

– Сам-то как? – спросил Троекуров, не в силах слушать вздор про подаренную на двенадцатый день рождения канарейку.

– Да все трудимся, Кирилл Петрович, – радостно отозвался Ганин, с удовольствием перекакивая на другого своего любимого конька. – Во благо, так сказать, отечества. Злоумышлен-

ников выискиваем. Вот недавно реестр землепользования обновляли. Много интересного, – он сладко протянул это слово, – вскрылось по природоохранной линии. Много...

– И на меня наискали? – поинтересовался Троекуров, буравя взглядом спину Дубровского, который копался в багажнике.

– У вас-то, Кирилл Петрович, все в порядке, в полном, практически... – проворковал Ганин. – Но вообще масса нарушений по области. Масса, – с особой горечью повторил он. – Чуть ли не каждая вторая постройка за последние пятнадцать лет.

– И что вы с ними делаете, с нарушителями?

– Сперва проверяем. Потом доказываем. Потом наказываем, – поделился своими извечным рабочим алгоритмом Олег Петрович. – Мы же власть.

Тут он замолчал, а Троекуров облегченно вздохнул и смачно сплюнул.

– Ты глянь, какая пипеточка, – воскликнул Ганин, глядя за спину Троекурову.

Тот обернулся. По полю стремительно неслась лошадь – черная на белом, она сразу бросалась в глаза. Тонкая наездница, не замедляя хода, вскинула руку в знак приветствия.

– Сам ты пипеточка, – ухмыльнулся Троекуров. Ганин тут же оторвал восторженный взгляд от удаляющейся фигурки и удивленно посмотрел на него. – Это дочь моя, Марья Кирилловна Троекурова.

И, посмотрев в глаза Ганину, веско добавил:

– Губу закатай, вегетарианец, – пристрелю.

Ганин сразу как-то растерялся и даже слегка побледнел, а Троекуров, воспользовавшись его замешательством, отошел к столу.

– Ну что, Лаврентий Николаевич, – он осторожно позволил себе некоторое панибратство, хлопнув губернатора по плечу. – Еще по одной – и по домам?

Предложение встретили с энтузиазмом. Губернатор, который не пристрелил ни единого фазана, поскольку лишь во второй раз в жизни взял в руки ружье, весь обратный путь благодарил хозяина за хорошо проведенный день и звал к себе на ответный прием, а потом начал рассказывать племяннику какой-то презабавный случай из своей семейной жизни. Тот оказался благодарным слушателем и смеялся так, что губернатор несколько запутался в своей истории и не смог вспомнить конец, в котором, по его словам, и была вся соль.

Развалившись на сиденье, Троекуров смотрел на гостей, из которых Дубровский выделялся особо. В своем затертом ватнике и облезлой шапке, надетых как будто из чувства противоречия, он выглядел как лесник, выражение лица имел соответствующее, и все это вызывало у Троекурова раздражение. Ему казалось, что Андрей Гаврилович нарочно строит эту кислую мину. Впрочем, даже если бы так оно и было, Троекуров все равно простил бы это старому другу, поскольку он один стоил всех этих людей вместе взятых.

Нельзя сказать, что их связывало лишь совместное прошлое, которое часто заставляет людей поддерживать связь по инерции или из бессмысленной вежливости. Нет, они и впрямь были настоящими друзьями – колоссальная разница в благосостоянии ничуть не умаляла их дружбы. Дубровский был готов терпеть Троекурова с его прихотями и капризами, неизбежно появляющимися почти у всякого человека, который разбогател стремительно, а затем впал в праздность. Но вся эта унылая толпа сочащихся салом чиновников и просто балбесов, имеющих достаточно денег, чтобы ничем не заниматься, вызывала у Андрея Гавриловича презрение. И скрывать его он не считал нужным.

Дубровский почти не изменился с юности – в отличие от Троекурова, благородно раздавшегося и чуть менее благородно облысевшего, он был все так же худ и сух и даже, казалось, носил все ту же кепку. Сжав губы, из-за чего вокруг рта у него образовалась жесткая складка, Дубровский смотрел на несущийся за окном бледный пейзаж, будто бы и вовсе не слушая общего разговора, благо никто в машине, кроме Троекурова, внимания на него не обращал. По

приезде в поместье Дубровский сразу же ушел куда-то с егерями, оставив Троекурова наедине с гостями.

Губернатор попрощался быстро, взяв с хозяина обещание, что тот в ближайшем же будущем – «Непременно, Петрович! Слышишь? Непременно!» – приедет к нему на обед, а Ганин долго рассыпался в благодарностях, вяло сжимая в чересчур продолжительном рукопожатии ладонь Троекурова.

– Ну, – сказал он, – я побежал. Всё дела, дела...

И, отойдя на безопасное расстояние, выпалил на одном дыхании:

– Я загляну через недельку-другую. Очень надеюсь, Кирилл Петрович, познакомиться с вашей Марьей Кирилловной лично.

Троекуров нашел Дубровского на заднем дворе – тот стоял у распахнутых ворот и смотрел на черную кромку леса, видневшуюся за полем.

– Ты чё всё такой кислый? – без обиняков спросил Троекуров, закидывая руку другу на плечо.

– Да тошные они, твои эти...

Троекуров усмехнулся, подумав, что и Ганину, и губернатору, и всей его свите как нельзя лучше подходит определение «эти».

– Связи, Андрюха, связи!..

Дубровский пожал плечами, ясно давая понять, что думает обо всей этой мутной компании и ее мутных делах. Он не то что не завидовал Троекурову, а даже отчасти жалел его.

– Благодать-то какая, – сказал Кирилл Петрович, распахивая дубленку. На другом краю поля показалась Маша, и они оба молча следили за тем, как она скачет вдоль темных деревьев по направлению к дому.

Они еще немного постояли у ворот, а потом, негромко беседуя, прошли в дом. В гостиной бормотал телевизор – ведущий новостей бесцветным и ровным голосом вещал про американские войска, которые по решению правительства Соединенных Штатов вскоре будут выведены с территории Афганистана.

– Шас, выведены, – пробормотал Троекуров, извлекая из шкафа початую бутылку коньяка и два бокала. – Если уж мы там ни хрена не смогли, то эти и подавно. Горбач, сволочь, – если б он тогда зад американцам не лизал, я бы, может, теперь округом командовал. Вся карьера псу под хвост, – фыркнул он, опускаясь на диван.

– Грех тебе жаловаться, Кирилл, – сказал Дубровский. Бледные отсветы телеэкрана делали морщины на его лице еще глубже. В вычурном интерьере гостиной он выглядел весьма нелепо, а из-за гигантского кресла с высокой спинкой казался еще меньше и худее.

– Вон как повернулось – миллионами теперь ворочаешь, – беззлобно произнес Дубровский. – Ладно. Выпьем за тех, кто не вернулся.

Они просидели так до самого вечера, сначала с удовольствием вспоминая свое общее прошлое, в котором было всё. И совершенно фантастические истории про новенькую самоходную гаубицу, которую на испытаниях доблестный экипаж (из лучших!) умудрился так разогнать вверх по пригорку, что когда она рыбкой ухнула с обрыва, то стволом орудия практически по самый корпус ушла в глину, после чего, будучи заряжена осколочно-фугасным, самопроизвольно шамальнула. Ствол разорвало кошмарной розочкой, но «никто – помнишь, Кирюха? – никто из экипажа не окачурился! Так, контузии небольшие...»... И вполне трагические эпизоды времен службы в Афгане, где моджахеды на горной дороге умудрялись всего парой-тройкой выстрелов намертво заблокировать целую танковую колонну, методично превращая ее в ряды цинковых гробов, чтобы Дубровскому с Троекуровым было чем загрузить военно-транспортные самолеты в Киев, в Рязань и в богом забытую тьмутаракань...

А после, накотив для верности еще и еще раз по сто, они перешли от общего прошлого к настоящему, которое было у них таким разным:

– Он мне: «Рынок опять упал на двенадцать с половиной процентов», интеллектом давит, – горячился Троекуров. – А он просто-напросто просрал мои пятьдесят тысяч долларов! Скотина! За что я ему плачу?!

– Так уволь его, унижать-то зачем?

– Кого брать? Откуда? Где они? – Троекуров хлопнул по столу. – Либо вор, либо считать не умеет. С Володькой твоим хотел перетереть эту тему как раз... По инвестициям...

Андрей Гаврилович замер. Говорить про сына, которого и сам видел пару лет назад, он не любил. Владимир после окончания университета остался жить в Москве, и его привязанность к отцу выражалась в ежемесячных звонках и еще более редких визитах. Конечно, Дубровский-старший понимал, что так оно будет лучше для сыновней карьеры, да и нечего Владимиру делать в этой глуши. Старик гордился сыном, но обида все равно ела его из года в год.

– Да уж, папа – танкист, сын – финансист, – скривился тот. – Перетирай. Номер тебе дам.

– А что не сам? Поссорились?

– Не поссорились. Так... Пусть сам звонит, если хочет.

– В отца, значит, – расплылся в широкой улыбке Троекуров. – Гордый. С Машкой бы моей познакомился. – Тут он совсем развеселился. – Глядишь, и породнились бы. Он же толковый у тебя вышел?

– Это есть, – не без удовольствия ответил Дубровский.

– Ну вот! – радостно сказал Троекуров и вновь хлопнул по столу. – Как он вообще? Я ж его лет пятнадцать, кажись, не видел.

– Да знакомы они с Машкой-то, – отмахнулся Андрей Гаврилович.

– Ну, это когда было, он в школе еще учился. А она вообще на горшке сидела. А тут – по-взрослому, – Троекуров обмяк на своем диване. – Приехал бы, а? Погостить, то да сё. Воздух свежий.

– Занят он все время, – пробормотал Дубровский. – Деловой.

За ночь стало еще холоднее. Выпал снег, так что все утро сонный дворник скреб лопатой по тропинкам, то и дело прижимая руки в дырявых варежках к губам, чтобы согреться.

Троекуров проснулся рано, но Машу уже не застал – еще до завтрака она уехала на конную прогулку в лес.

– Ну что? – спросил Кирилл Петрович, развалившись за обеденным столом. – Может, сначала на рыбалку, а потом – шашлык?

На реку они пошли вдвоем, и, хотя ничего и не поймали, вернулись в прекрасном расположении духа. Из кухни выскользнул управляющий доложить, что шашлыки уже почти успели.

– Не пересуши, – на ходу бросил Троекуров и тут же обратился к Дубровскому: – Пойдем, я тебе покажу мое стойло. Недавно только достроили.

Они пересекли двор – Дубровский немного позади. Несмотря на то, что все эти траты и причуды Троекурова он считал блажью, Дубровский всегда с неподдельным интересом смотрел на новые приобретения друга.

Гараж был виден от самых ворот – безликая серая бетонная коробка, несколько скрашенная довольно живописными сосульками, свисающими с рифленой красной крыши. Сбоку, у забора, виднелись сваленные в кучу стройматериалы, которые еще не успели убрать. Возле них толкся тощий солдат с красной от мороза голой шеей. Троекуров бросил на него полный неудовольствия взгляд – мол, такая чудесная картина, а малолетний поганец ее портит.

Парень же поднял голову – его лицо тоже было красным, а губы потрескались и высохли от холода – и громко крикнул:

– Здравствуйте, Кирилл Петрович!

Троекуров ответил ему сдержанным кивком и нетерпеливо толкнул боковую дверь. Под потолком затрещали мертвенно-белые светильники, отражаясь продолговатыми бликами на крышах и боках машин. Прямо перед Дубровским стоял гигантский черный «Хаммер», пяля на запертые ворота гаража слепые фары.

– А? Мощно? – спросил Троекуров, пытаясь пробудить в Андрее чувство восторга, которое, по его мнению, должно было возникнуть в любом человеческом существе при виде всего этого добра. – На днях сигнализацию закончат, перегоним весь табун сюда. Зверушки-то неместные, к нашим погодам непривычные, – с гордостью продолжил Троекуров.

Дубровский прошел вдоль всего ряда, разглядывая эту диковатую выставку.

– Слышь, – обратился Троекуров к кому-то. Андрей обернулся. Рядом с Кириллом Петровичем, привалившись к стене, стоял начальник местной службы безопасности Степан, который почти все свое рабочее время таскался за Троекуровым, развлекая работодателя на разные лады. Степан носил усы щеточкой и при разговоре умел крайне неприятно улыбаться из-под этих усов, будто как раз накануне узнал о собеседнике какую-нибудь сальную сплетню. На Троекурова, конечно, Степан так склабиться не смел.

– Слышь, инженер говорит, что камеры надо на две точки. А мне кажется, слепая зона будет. Может, на три? Поди-ка сюда, – сказал Троекуров и утянул Степана на мороз.

– Кирила Петрович, – отозвался тот, – инженер-то вроде грамотный. Давайте снаружи посмотрим на ситуацию, и тогда все станет ясно.

Их голоса стихли, и Дубровскому показалось, что он слышит эхо собственного дыхания. Обойдя по второму разу гигантские и мертвые машины, Дубровский застыл на месте, не зная, куда себя деть. В дальнем углу, разбивая холодный минимализм интерьера, валялись какие-то пожитки – матрас в оранжевых ржавых разводах, старая миска, подходящая скорее собаке, нежели человеку, и такие же кружки. Очевидно, здесь обитали рабочие-солдаты.

Дубровский привык закрывать глаза на большую часть троекуровских выходов, если дело касалось бездумной траты денег на всякий вздор, но тут его передернуло.

Рабочий, известное дело – не охотничья собака, может и на бетонном полу поспать, на комкастом сыром матрасе. Радушный и грубовато-доброжелательный, когда речь шла о гостях и друзьях, Троекуров, очевидно, имел особенности зрения – у него было свое слепое пятно, в пределах которого он ни черта не видел. Дубровский вновь посмотрел на машины, но рыжеватый матрас неизменно притягивал к себе взгляд, словно червоточина. Ему стало так горько от этого зрелища, так горько, что его боевой товарищ, некогда лично метнувшийся из Кандагара в Ташкент на первом же борту, чтобы до кровавых соплей избить начснаба за поеденные молью и расплзавшиеся в руках одеяла, которые тот прислал для отправки солдатам на передовую... Андрей Гаврилович только крякнул, махнул рукой и вышел вон.

В воротах гаража он столкнулся с тем самым красношеим бойцом. Дубровский сдержанно кивнул ему, думая, с чего бы начать разговор, как вдруг солдат, выжидательно глядя на него, на одном дыхании выпалил:

– Вы из больницы? Сенька вон там – в бытовке. Чего вы так долго не ехали-то?

– Какая еще больница? Какой Сенька? – нахмурился Дубровский.

– Я думал, вы врач, – растерялся солдат. Он бросил лопату в на гору строительного мусора и вытянулся во весь рост, сунув в карманы руки в строительных перчатках. – Мы тут мешки тягали, и Сенька надорвался, – пояснил солдат. – Сказали ротному, что врача надо, а то Сенька уже третьи сутки кровью ссыт. Ну и вот...

– Сколько вас тут? – спросил Дубровский. Если раньше троекуровский цинизм, который тот давно научился маскировать под детское простодушие, приводил его в недоумение, то теперь он почувствовал нечто резкое, ставшее с годами непривычным, но мгновенно расправившее побитые артритом плечи. Старики часто не помнят, что такое холодная ярость, но не

Андрей Гаврилович. Он-то ее помнил, а ярость не забывала Дубровского никогда и с готовностью приходила по первому зову.

– Трое, – пробормотал солдат и вытер нос перчаткой. – Нас командир прислал, строить. Ротный раз в неделю приезжает, пожарать привозит.

Тут он замялся, явно раздумывая – просить или нет.

– А у вас не будет рублей пятьдесят? Хавки купить.

На его красном горле метнулся кадык. Дубровский молча пошарил в кармане куртки и извлек две мятые сотни, которые вручил парню. Тот, не задумываясь, убрал их куда-то за пазуху, будто испугался, что старик передумает.

– Ну что? – спросил Троекуров, заметив приближающегося Дубровского. – Такая вот тема, Андрюх, впечатляет? – спросил он, предвкушая реакцию друга.

– Солдатами строил? – сразу начал Дубровский.

Троекуров непонимающе усмехнулся, а Степан украдкой выдал свою сальную улыбочку.

– Да какими солдатами? – протянул Троекуров, не чуя беды. – Хохлами. Солдат нынче знаешь какой пошел? Принеси – унеси, копать – не копать – это потолок. С ними и сортир с одним очком не построишь, – отмахнулся он.

– Там у тебя заболел один...

– Кто заболел? – нахмурился Троекуров.

– Солдат, что цемент тягает.

– Слушай, – развеселился Троекуров. – У них ротный есть, пусть разбирается. Мужики же, не бабы ведь. Ладно, пошли накатим. Сейчас шашлычки поспеют, – Кирилл Петрович, не дожидаясь ответа, пошел было к дому, но Андрей Гаврилович остался стоять на месте. Он стянул с головы кепку, словно ему внезапно стало жарко, и раскрыл рот. Постоял пару секунд с этой гримасой, задыхаясь словами, и резко выплюнул:

– Скотство это, Кирилл.

Троекуров обернулся и поднял брови, видимо, ожидая шутки.

– Не мне тебе порядки объяснять – ротному их все по одному месту. Вызови врача... Люди же, не зверушки импортные...

– Да в порядке они, – встрял Степан, переводя взгляд с ухмыляющегося Троекурова на шапку в руках Дубровского. – Им тут у нас всяко лучше, чем в хлеву в своем, в части. Делом вон занимаются, воздух свежий, – произнес он и показательно вдохнул «свежий воздух». – Сами знаете, тут не то что солдатам – иным полковникам отставным было бы лучше, чем на их шести сотках сраных. Верно я, Кирилл Петрович?

Дубровский, готовый было спорить и дальше, вдруг закрыл рот и сжал губы так, что они побелели. Все черты его лица заострились, а от углов рта к подбородку бороздами протянулись глубокие борозды морщин – казалось, ему намертво свело челюсть. Троекуров не обратил на это внимания – он хлопнул Степана по плечу и усмехнулся в усы.

– Не понял, – процедил Дубровский, еле шевеля языком. – Ну я, допустим, полковник в отставке. Это ты про меня, что ли?

Степан посмотрел в его бледное лицо и поперхнулся, поняв, что перешел допустимую границу. Нет, он не боялся обидеть Дубровского – будучи холопом по натуре, Степан боялся гнева одного лишь хозяина. Тот, впрочем, похоже, и не думал сердиться:

– А чё, Андрюх, пойдешь ко мне землекопом, а? На полставки? – он уже всем телом трясся от хохота. Степан, сообразив, что сказал все правильно и хозяин доволен, тут же отозвался сиплым смешком. – Зато без задержек, как в совке! – продолжил Троекуров, хватаясь за край куртки Дубровского. Тот снова потерянно разинул рот, и, казалось, он сейчас рассмеется тоже, как вдруг Андрей Гаврилович зло клацнул зубами.

– Да пошел ты! – прошептал он.

Троекуров то ли не расслышал его, то ли не захотел услышать – он осекся, только когда Дубровский развернулся и, скребя подошвами валенок по снегу, прошел мимо него.

– Э! Э, Андрюх, ты куда? – крикнул Троекуров, вытирая платком навернувшуюся от смеха слезу.

Дубровский, спотыкаясь, добежал до своего побитого жизнью джипа и сел за руль. Дверца хлопнула так, что выпавший за ночь снег ссыпался с крыши машины. Двигатель, как назло, все никак не хотел заводиться и надсадно выл стартером, Дубровский чертыхался сквозь зубы и заливался краской от унижения, корень которого он видел в собственной мелочности – купил дешевые свечи, хотел сэкономить 600 рублей, чтобы хватило на новые дворники.

Наконец, джип Андрея Гавриловича с визгом от пробуксовки тронулся и тут же скрылся за воротами. Троекуров пару раз моргнул, словно пытаясь прийти в себя, и медленно, словно башенный кран, развернулся всем корпусом к Степану, который сразу съежился и втянул голову в плечи.

– Тебе, мудаку, кто позволил пасть разевать? А? Ты кто вообще такой?

Брызги слюны попали Степану на щеку, но тот, полумертвый, даже не посмел поднять руку и утереться. Никаких эмоций, кроме животного страха, он сейчас не испытывал – всякий холоп так устроен, что в такие моменты замрет и будет тарашиться, а обижаться станет после – дома, в кругу семьи обругает пересоленные макароны по-флотски и даст хорошую затрещину сыну за тройку по географии. Это успокоит и залечит нанесенные хозяином обиды, уж Степану-то этого не знать.

До Кистеневки Дубровский добирался сквозь поземку. Ехал, не останавливаясь, до самого дома, тупо скользя взглядом по хоть и пляшущей из стороны в сторону, но все же унылой зимней дороге, каких тысячи от края до края страны. Мелкий кривой лес по обочинам, убогие дома за трехметровыми заборами из гофрированного железа – такие неприступные, что хочется заглушить двигатель, выйти в поле и, задрвав голову к серому небу, спросить Вседержителя: «Что можно прятать за этими заборами? Есть ли за ними жизнь, и если есть, то в чем был твой замысел, когда ты ее создавал?»

Приехав, он долго еще сидел за рулем. Так долго, что, увидевши во дворе знакомую машину, спустилась с крыльца и засемила к машине Егоровна, когда-то лишь соседка, а последние полтора десятка лет приходящая хозяйка в доме одинокого, давно овдовевшего мужчины.

– Андрей Гаврилыч, да вы в порядке ли? – она постучала по стеклу костяшками пальцев.

Дубровский посмотрел на ее беспокойное, испещренное морщинами лицо и медленно кивнул. Он не слышал, что она говорила, – видел лишь движение губ.

– Рано же вы вернулись, – сказала Егоровна. – Я обед сегодня и не готовила. Не ждали мы вас.

Андрей Гаврилович перевел взгляд на дом, потемневший от времени и дождей, и эта картина почему-то привела его в чувство. Из трубы шел прозрачный дым. «Надо поправить крыльцо – покосились перильца. И дров нарубить», – заставив себя переключиться на эти домашние мысли, Дубровский вылез из машины, пару раз хлопнул дверцей (с первой попытки она не желала закрываться) и под тихое оханье Егоровны побрел к дому.

Если у Троекурова что ни день вырастал новый гараж или конюшня, то в Кистеневке ничего не менялось последние лет пятнадцать. Ни единого нового дома или жителя, даже собаки тут воспроизводились словно под копирку – всегда одной и той же масти, с одинаковыми кличками. Эта странная окоченелость могла испугать случайно забредшего сюда незнакомца, но никак не Дубровского или других кистеневцев. Люди, прожившие тут более двух десятков лет, давно приросли к своим домам и друг к другу.

Деревня раскинулась до самой реки, покрытой теперь ледяной коркой. Стоя у поленницы на дальнем краю участка, Дубровский смотрел на присыпанные снегом крыши, и это сообщало ему странное и чудное спокойствие. Через полчаса он уже усмехался себе под нос, что, правда, вовсе не означало, что он был готов взять и все простить.

Троекуров не заставил себя долго ждать.

«Видимо, не совсем совесть потерял, старый черт», – подумал Дубровский, когда телефон, лежащий в заднем кармане, издал пронзительную трель. Чтобы показать характер, он подождал, пока трель затихнет и раздастся вновь, коротким ударом воткнул топор в сучковатое полено и, наконец ответил на звонок. Сначала в трубке была лишь тишина, разбавленная шепотком телевизора или радио где-то неподалеку.

– Андрюх, – пьяно протянул Троекуров, – кончай дуться и приезжай. А то как дитё прямо, ей-богу. Чего молчишь-то?

– Кирилл Петрович, – помедлив, ответил Дубровский, – у меня всего капитала – гордость, возраст и артрит. И хамство я терпеть не намерен. Ни от тебя, ни от шкафов твоих, ясно?

– Это понятно, – отозвался Троекуров. – Дальше-то что?

– А то, что пускай твой холуй завтра явится ко мне и извинится.

– Забудь. Я его уже наказал. Он все понял.

– Я бы хотел в этом лично убедиться, – сухо ответил Дубровский.

– Андрей, это же нарушение субординации. Это же мой человек! И потом, ну ладно, он пошутил, глупость сказал не со зла, а ты надулся... Как дети. Давай, приезжай в пятницу с ночевкой, поохотимся. Чего молчишь-то?

Ни деньги, ни социальное положение никогда не разделяли их, и Кирилл Петрович был уверен, что между старыми друзьями можно все. Ну, или почти все. И так в общем-то и было все четыре с лишним десятка лет дружбы двух однополчан – сначала молодых советских офицеров, потом взрослых женатых мужчин и, наконец, пожилых людей, остро чувствующих приближающуюся старость, которая на самом-то деле уже наступила, просто на время затаилась и не торопилась себя проявлять. В юности мы остро переживаем любую радость и печаль, мы легко влюбляемся и быстро прощаем. К старости наши переживания не утрачивают своей остроты, но пропитываются горечью прожитых лет. И потому радости мы воспринимаем как должное, а обиды переживаем острее. Андрей Гаврилович больше не желал не замечать, пропускать мимо ушей и прощать ради старой дружбы. Всю свою долгую жизнь он считал, что дружба в первую очередь строится на взаимоуважении, и теперь не столько думал, сколько чувствовал, что если Троекуров из детского упрямства готов перечеркнуть десятки лет, связывающие их обоих, то и он вправе поступить так же.

– Если не пришлешь его ко мне, больше мне не звони никогда. Понял? – спокойно сказал Дубровский и дал отбой.

Он вытер лоб и снова принялся за дрова.

...После обеда зашел Николай Кузнецов, которого Андрей Гаврилович знал чуть ли не дольше, чем Троекурова. Некогда подчиненный Дубровского в танковом полку Западной группы советских войск в ГДР, Кузнецов вместе с другими офицерами части не пожелал сменить полную, как им казалось, смысла охрану советских рубежей от натовских ястребов на прозябание в тайге под Читой, куда их перебрасывали при выводе войск из теперь уже объединенной Германии. Внезапно размякшая советская власть не только обесмыслила их службу, но и практически бросила на произвол судьбы, толком не позаботившись ни о них самих, ни об их семьях. Переезжать в продуваемые сибирскими ветрами бараки из обустроенной части в Магдебурге под миролюбивую риторику Горбачева они не пожелали и разом вышли в отставку.

Андрей Гаврилович не без помощи старых армейских связей тогда сумел взять в аренду бывший советский совхоз неподалеку от своего старинного друга Троекурова, который обустроился в этих краях незадолго до него и поразительно быстро шел в гору. С собой Дуб-

ровский-старший позвал бывших сослуживцев, и офицеры элитных частей советской армии с готовностью последовали в новую для них сельскую жизнь за своим командиром – теперь уже председателем загибающегося совхоза, который надо было вытаскивать из пьянства и разрухи. Выбирать тогда особенно не приходилось, но спустя годы никто из них не пожалел о такой перемене в их судьбах. За первые десять лет они наделали по неопытности кучу ошибок, выучились на них и теперь жили пашней и скотиной – не густо, не пусто, то алтын сберегли, а и рубль потеряли.

– Дело есть, Андрей Гаврилыч, – Кузнецов сразу же сел за стол, не разувшись и не сняв свою неизменную шляпу с загнутыми вниз полями.

Егоровна налила им чаю, и Кузнецов принялся за обстоятельный доклад про оборудование для фермы, давным-давно оплаченное и наконец-то доставленное и распакованное. Дубровский молча слушал. В голову ему вдруг пришла неприятная мысль, что ссора с Троекуровым несет последствия не только для него, но и для всей деревни. В тот момент он и не подозревал, насколько был прав.

Они допили чай и засобирались. Кузнецов с легкой ленцой в голосе расписывал новые молотилки и веялки – уже распакованные, они стояли в ангаре и ждали, когда Андрей Гаврилович приедет на них полюбоваться.

– Слушай, Коля, – уже сев в машину, решительно начал Дубровский, рассудивший, что решить все нужно прямо сейчас. – Это все хорошо, но тут такое дело. Надо перекредитоваться. Или придется технику вернуть.

– Зачем это, Гаврилыч? – удивился Кузнецов. – Ты чего? Нам же зубы на полку тогда просто...

– Значит, на полку, – в этот раз джип Дубровского завелся с пол-оборота. – Я так решил, Коля. Я кредит брал под поручительство...

– Знаю, Троекурова, и что?

– Так вот, все. Не хочу больше в долгу у него быть.

Андрей Гаврилович ожидал, что Кузнецов сейчас заведет шарманку в духе «я же говорил» – тот испытывал к Троекурову нечто вроде неприязни с первого взгляда, которая, правда, за тридцать лет не вылилась во вражду, потому что Кирилл Петрович не находил нужным обращать внимания на «штабную обслугу» Дубровского. Кузнецов же презирал Троекурова молча, не позволяя до поры своему презрению перерасти во что-то более серьезное.

За окном замелькал придорожный кустарник, медленно перерастающий в лес.

– Посрались, что ли?

– Не поладили мы с товарищем, – нехотя сказал Дубровский. – И такое бывает. Так что... – рассеянно начал он и замаялся, раздумывая о том, что же теперь говорить. – Ну, ничего, может, займ какой в банке получится... Придумаем...

– Понял, – ответил Кузнецов. – Выкрутимся, не впервой.

– Куда мы денемся.

За поворотом показалось поле, на краю которого отчетливо чернели высокие сосны с разлапистыми верхушками. Дубровский с удивлением заметил какое-то движение под деревьями – несколько человек крутились вокруг крайней сосны, а их перекрикивания, из-за ветра звучащие бессмысленным набором гласных, доносились аж до машины.

– Глянь, Коль! Это что еще такое? Наши гуляют?

Ответ не заставил себя долго ждать – в следующую же секунду сосна медленно покосилась, зависла в таком положении на пару мгновений и стремительно ухнула на опушку.

Дубровский, ни слова не говоря, свернул прямо в поле. Джип трянуло, Кузнецов вцепился в сиденье. Андрей, сжав челюсти, упрямо жал на газ, не давая машине застрять в раскисшей под неглубоким снегом грунтовке. Около сосен, перекидываясь короткими командами,

суетились трое мужиков. Занятые очередной сосной – та уже, со скрипом, начала была заваливаться, – они не замечали приближающегося джипа.

Кузнецов, не дожидаясь Дубровского, первым выскочил из машины и вытащил из багажника карабин.

– Стоять! – крикнул он.

Первый мужчина вздрогнул и удивленно огляделся. Двое других, кряхтя, продолжали толкать подпиленный ствол. Кузнецов вскинул карабин.

– Вы кто такие? – спросил подошедший Дубровский.

Тут уже все трое замерли, испуганно глядя на направленное на них ружье.

– Да мы это... – начал было первый, подняв руки над головой. – Строители мы. Из Покровского. У Кирилл Петровича Троекурова строим.

Дубровский сглотнул. Он был рад, что карабин у Кузнецова: будь его воля, он бы выстрелил тут же и не задумываясь.

– Лес чей, знаешь?

– Не-а.

– Врешь, стервец, – сказал Дубровский прямо в лицо вору. – Знаешь! Мой лес.

– Да вот те крест, – выпалил строитель, подняв руку в варежке.

– Это Троекуров вас сюда заслал или сами догадались? – спросил остальных Дубровский.

Те начали вяло оправдываться.

– А брехать тебя кто учил? Тоже Троекуров? У него леса вона сколько. А вы в дальний решили? Ну, чтоб работенки побольше, чтоб везти подальше, да?

Строители примолкли, косо глядя друг на друга в надежде, что кто-нибудь выдумает достойное оправдание.

– Чего делать будем, Андрей Гаврилыч? – раздался голос Кузнецова, который так и стоял со своим ружьем.

«Вот же ж сукин сын, – подумал Дубровский. – Нет, так просто они отсюда не уйдут. Если Троекуров хочет войны – он ее получит». Недолго думая, Дубровский вынул из брюк армейский ремень с тяжелой пряжкой.

Кирилл Петрович мрачно уставился в телевизор. Там крутили какую-то передачу о животных, но он не слушал, погруженный в собственные мысли. Вчера, после разговора с Дубровским, Троекуров долго смотрел на мобильный в своей правой руке, ожидая, что старый дурак одумается и перезвонит через пару минут. Но этого не произошло – ни через полчаса, ни через час.

Троекурова настигло неприятное чувство, что все в его жизни внезапно вышло из-под контроля. Родная дочь словно и не замечает его, все общение – пара слов о погоде за завтраком и ужином. Окружение Кирилла Петровича составляют люди, с которыми он, будь его воля, и за один стол бы не сел. Взять, к примеру, Ганина – премерзкий тип, за такими только глаз да глаз, зазеваешься – а он уже подножку выставил. А тут еще Дубровский вздумал корчить из себя гордеца.

– Там Ганин пришел, видеть вас желает, – в дверях стоял управляющий помещьем Алексей. Нехотя Троекуров поднялся, и на пару мгновений у него закружилась голова. Стало душно.

Ганин топтался посреди столовой – его лица не было видно за громадной охапкой ярких цветов, сложенных в пышный букет, который он сжимал в объятиях.

– А, это ты? Ну, здравствуй, коль не шутишь. Мы уж позавтракали, не обессудь, но чаем тебя напою.

Ганин смешно выглядывал из-за своего букета. Заговорив, он тут же начал отплеиваться – листья лезли ему в рот.

– Да нет, Кирилл Петрович, я на минуту. Работа, знаете ли, работа.

Троекуров оглядел его с головы до ног – на Ганине был нелепый костюмчик с серебряным отливом, а волосы он зализал.

– Хотел цветочки вот завезти... для Марьи Кирилловны...

– С чего это вдруг? – спросил Троекуров. От одной мысли, что Ганин имеет виды на Машу, ему стало тошно.

– Ну, знаете... Такая девушка... Кому еще цветочки, как не ей...

– Да? – нахмурился Троекуров. – Смотри у меня, – и он погрозил пальцем.

Ганин тут же уловил в его полушутливом тоне знакомые угрожающие интонации.

– Да что вы, Кирилл Петрович. Я просто... Знаки внимания... К семейству вашему...

– Ладно, ладно. Проходи.

Троекуров, кутаясь в халат, направился к бильярдной, как вдруг перед ним снова возник Алексей, почему-то с крайне озабоченным лицом.

– Кирилл Петрович, виноват. Можно вас на минуточку?

Ганин застыл посреди пустой прихожей, не понимая, куда пристроить букет.

Троекуров вышел на крыльцо. Алексей молча стоял за его спиной. На снегу, опустив головы, топтались трое работяг, придерживая спадающие штаны руками. Завидев хозяина, они совсем потупились и еще сильнее вцепились в свои обноски.

– Это что еще такое? – гаркнул Троекуров, разозленный тем, что его отрывают от дел по пустякам.

– Ребята наши, строители, – с плаксивой интонацией подсказал Алексей.

– Вижу, что строители, – ответил Троекуров.

– Сосны валили, под баню, – продолжил рассказ Алексей. – Вы же сами запретили им свой лес рубить. А там рядом... Ну они и залезли... в кистеневский.

– И? – нетерпеливо спросил Троекуров, которому не терпелось вернуться в дом.

– Поймали их. Андрей Гаврилыч самолично поймал. И выпорол, как школьников.

Троекуров усмехнулся. Ай да сукин сын Дубровский. Невольное восхищение вытесняло должный гнев. Нет, не зря они были с Дубровским товарищами столько лет. «Что же это? – подумал Троекуров. – Что за театр?»

Выпоротые работяги тупо смотрели себе под ноги и выглядели жалко.

– И без ремней домой отправил, – снова запричитал Алексей. – И сказал еще... Что сказал, повторите, – обратился он к строителям.

Те переглянулись. Никто не решался заговорить первым.

– Ну? – рявкнул Троекуров.

Все трое вздрогнули, а один чуть не выпустил штаны.

– Сказал, – заговорил тот, что был выше всех, и сглотнул. – Сказал, барину своему передайте: в следующий раз и его выпорю. Штаны спушу и по голой жопе. Как вас.

Его товарищ, стоявший справа, тут же громко заржал.

– Что-о? – взревел Троекуров. Восхищение от проделки Дубровского как рукой сняло – Кирилл Петрович хотел еще что-то сказать, но захлебнулся от гнева. Управляющий за его спиной притих, ожидая распоряжений.

– Рассчитать их и по домам. Свободны! Слышали?!

Троекуров быстро миновал прихожую. Перед глазами у него плыло, уязвленное достоинство требовало немедленного отмщения.

Ганин нашелся в бильярдной. К его пиджаку прилип влажный зеленый лист от букета, а в деревянных пальцах он неумело сжимал кий. Троекуров оперся о стол и глубоко вздохнул, пытаясь вернуть себе ясность мысли.

– Все в порядке, Кирилл Петрович? – робко спросил Ганин, откладывая кий.

– Наглец, – сплюнул Троекуров, уставившись в зеленое сукно. – Свинья! Ишь чего выдумал!

– Вы про кого, Кирилл Петрович? – прошептал Ганин, боясь, что это он со своим букетом вызвал такую реакцию.

– Про кого! Про кого! Про Дубровского, про кого же еще! Учить меня вздумал!

Ганин тут же расслабился и обмяк, задумавшись.

– Так, может, наказать его? – сказал он уже совсем другим тоном.

– Ты о чем? – спросил Троекуров.

– Есть способы... Проверочку ему устроить – раз плюнуть. Кистеневка-то его прямо на Волге стоит, у самой воды, – раздумчиво сказал Ганин. – Бизнес же у них там. Мало что живут, так они же еще и ферму держат. Сеют чего-то, пашут, выращивают, коровы, то-сё. У воды ж прямо. Наверняка без соблюдения. С нарушениями... Так вот – можно проверить...

Троекуров взял со стола кий. И правда – почему бы не проверить? Если Дубровский решил таким образом попроситься, то и Троекуров в долгу не останется. Склонившись к бильярдному столу, Троекуров ударил по шару так сильно, что на сукне осталась отметина, а сам шар принялся метаться по столу, снова и снова отражаясь от бортов.

У самой реки была припаркована бордовая «Нива» – будто пятнышко гнили на белом снегу. У самого уреза воды два человека в форме цвета хаки с самого раннего утра замеряли что-то, громко перекрикиваясь. С дороги за ними наблюдали Кузнецов с Петькой – сыном Егоровны, безусым парнем с шербатой улыбкой. Он вырос в Кистеневке и другого дома никогда и не знал.

– «Облприроднадзор», – едва не сбившись в месиве согласных, Петька прочитал надпись на дверце замызанной грязью машины. – Меряют все, дядь Коль. Я им говорю – чего меряете? А они мне: «Внеплановая проверка, не твое дело». И дальше мерить.

Кузнецов не ответил, молча глядя на темные фигуры из-под полей своей шляпы.

Дубровский стоял на крыльце своего дома и тоже смотрел – и в груди его с каждой минутой разрасталось дурное предчувствие. Андрей Гаврилович уже начал жалеть, что ввязался в эту склоку с Троекуровым: одно дело, когда потери несет он один и его собственная гордость, другое же – когда за его ошибки платит вся деревня. А то, что платить придется, – это и ему было понятно: просто так геодезисты на берегу не появляются, чего себя обманывать. Он вытащил мобильный, и, не отрывая взгляда от происходящего на берегу, набрал номер, по которому он так редко звонил. Протяжные гудки в трубке, казалось, звучали вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.